

Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 11. Пробуждение

Yánchéng Tàishòushēng

Семь часов утра.

Золотистые лучи солнца, просачиваясь сквозь бледно-голубые шторы, заливали светом больничную палату.

Лу Ао лежал на кровати, а Цзян Чжюй, свернувшись калачиком, устроился на диване.

Отец и сын спали глубоким сном.

Внезапно откуда-то неподалеку донесся аромат — смесь креветок, морской капусты и лука, обжаренного в масле.

Цзян Чжюй потянул носом, соблазненный запахом, и проснулся. Глаза его ещё не открылись, но тело уже садилось на диване.

Закутавшись в плед, словно маленький призрак, он поплыл на запах прямиком на кухню.

— Лу-лу-лу... Син-син-син... Юань-юань-юань...¹ — протяжно позвал он. — Что ты там варишь?

Примечание 1: Растягивание имени "Лу Синъюань" () на слоги ("— — —") — это очень ласковое, почти детское обращение, показывающее близость и нежность Цзян Чжюй к партнеру.

На кухне Лу Синъюань, успевший, видимо, принять душ и переодеться в чистый, удобный домашний костюм, сменил дедушку Чжана и теперь, в фартуке, готовил завтрак.

Цзян Чжюй «приплыл» к нему сзади, протяжно скуля:

— Дай мне кусочек...

Лу Синъюань, помешивая деревянной ложкой содержимое кастрюли, ответил:

— Скоро будет готово.

— М-м-м... — Цзян Чжюй неудержимо клонило в сон. Он обхватил Лу Синъюаня руками за талию, прилип к его спине, закрыл глаза и погрузился обратно в дремоту.

Через некоторое время Лу Синъюань сменил ложку на шумовку и стал вылавливать что-то из кастрюли.

Любопытный Цзян Чжюй высунул голову у него из-за плеча:

— Ты так и не сказал, что варишь...

Пельмени! Это же пельмени!²

Примечание 2: " " (húntun): хуньтунь — это традиционные китайские пельмени/вареники, часто подаваемые в бульоне.

Цзян Чжюй словно током ударило. Он мгновенно проснулся.

Он распахнул плед, словно щитом заслонив им кастрюлю Лу Синъюаня, а затем оглянулся (в сторону палаты, проверяя, не проснулся ли Лу Ао .

На его лице застыл испуг:

— Лу Синъюань, я забыл тебе сказать! В нашем доме сейчас нельзя есть пельмени!

Лу Синъюань не понимал:

— Почему? С креветками и кукурузой, твои самые любимые. Я сам лепил, очень полезно.

— Причем тут начинка! Дело в Лу Аоао! — Цзян Чжюй говорил с полной серьезностью. — Прошлой ночью он вообразил себя пельменем, которого мы собрались съесть. Если сегодня утром мы примемся за пельмени, он наверняка решит, что мы сделали это ему назло и издеваемся над ним!

Лу Синъюань умолк.

Какой в этом смысл?

Цзян Чжюй продолжил:

— Если он закатит истерику, то девяти быков не хватит, чтобы его удержать.

Лу Синъюань спокойно возразил:

— Меня хватит.

— И это не вариант! Психическое здоровье ребенка тоже чрезвычайно важно!

Цзян Чжюй привел пример из личного опыта:

— В детстве я посмотрел мультик и побратался с только что купленным цыпленком. С того дня в нашем доме курятину больше не ели. Цыпленок дожил у нас в спокойствии до старости и умер своей смертью.

Лу Синъюань повернулся к нему, встретился с его искренним, ясным взглядом и попытался напомнить:

— Но, сяо Юй, твоё самое любимое блюдо — жареная курочка. Ты ешь её трижды в день через день. Посыпаешь специями: тмином, морской капустой, сушеным сливовым порошком... Надоели специи — переходишь на соусы: медово-горчичный, сливочно-сырный, янтарный сладко-острый...³

Примечание 3: Перечисление — это отсылка к популярным в Китае приправам для курицы. "□□" (sǎ fěn) — сухие приправы-порошки, которыми посыпают курицу. "□□" (zhàn jiàng) — соусы для макания.

— Хватит-хватит! Ты что, меню перечисляешь? — Цзян Чжюй упер руки в боки, не смущаясь ни капли. — Это я уже взрослый! В детстве же я очень заботился о животных!

Лу Синъюань усмехнулся и в конце концов сдался:

— Ладно, еще осталась лапша. Я собирался сварить ее с пельменями. Лу Ао может съесть

только лапшу, без пельменей.

— Отлично! — радостно согласился Цзян Чжюй. — Давай лучше слопаем пельмени прямо на кухне, чтобы он не видел!

— Угу.

Разобравшись с главной проблемой утра, Цзян Чжюй, потягиваясь, повернулся и направился в ванную умываться.

Лу Синъюань наблюдал, как его фигура плавно удаляется, и снова не удержался от улыбки.

Призрак-сяо Юй... Милашка.

О нет! Один пельмень варился слишком долго и лопнул!

Лу Синъюань поспешно выловил лопнувший пельмень и положил себе в тарелку.

Расползшиеся — ему, целые — любимому.

На кухне молодые супруги во время завтрака не отлипали друг от друга.

Цзян Чжюй принес два стула и поставил их перед кухонной тумбой.

Лу Синъюань тем временем подал дымящиеся пельмени и добавил две бамбуковые корзинки с готовыми сяолунбао⁴.

Примечание 4: "餛飩" (xiǎolóngbāo) — знаменитые китайские суповые пельмени-паровые булочки, обычно подающиеся в бамбуковых корзиночках.

Они сидели плечом к плечу, лениво перебрасываясь словами.

Цзян Чжюй сказал:

— Как только позавтракаем, пойдём будить Аоао. Врач говорил, ему нельзя спать слишком долго, нужно тоже позавтракать.

— Хорошо, — Лу Синъюань слегка замешкался, спросил: — Сяо Юй, грудь у тебя ещё болит? Может, помазать мазью?

— М-м... — Цзян Чжюй надавил на грудь, прислушался к ощущениям: — Да вроде не надо? Ничего не чувствую.

— Такой большой синяк — лучше немного помазать.

— Ну ладно, потом ты мне поможешь...

Стоп... Кажется, что-то не так!

Цзян Чжюй внезапно сообразил. Он отложил ложку и уставился на Лу Синъюаня:

— Откуда ты знаешь, что у меня от удара синяк?

— Угадал, — Лу Синъюань встретил его испытующий взгляд, помолчал мгновение, но всё же поправился: — Увидел.

Он попытался объяснить:

— Сяо Юй, вчера ночью ты уснул. Я хотел переодеть тебя в пижаму и перенести на кровать. Не нарочно увидел.

— Да? — это звучало правдоподобно.

Погоди... Кажется, всё равно что-то не сходится!

— Вчера я и так был в пижаме! Зачем тебе было меня переодевать?

— Сяо Юй, это ты сам меня научил, — ответил Лу Синъюань. — «Если жена травмирована — первым делом проверь рану и прояви заботу».

— Но это не значит, что можно задирает мне рубашку и подглядывать! — вскричал Цзян Чжиюй.

Сжимая кулак, он ткнул им Лу Синъюаня прямо в грудь.

Вот уж точно родная кровь! Цзян Чжиюй и Лу Ао атакуют, да ещё и в одно и то же место!

Лу Синъюань лишь улыбнулся. Он взял палочками сяолунбао и собрался положить его в тарелку Цзян Чжиюя.

Но Цзян Чжиюй уже открыл рот и указал пальцем на себя:

— А...

Палочки тут же сменили направление, поднеся паровую булочку прямо к его губам. Цзян Чжиюй мгновенно впился зубами в сяолунбао. Надув щёки, он яростно зажевал, параллельно отчитывая супруга:

— Больше так не делай! ...Если только это не часть наших игр.

— Запомнил, — Лу Синъюань взял ещё одну булочку. — Ещё?

Цзян Чжиюй покачал головой, сильно похлопал себя по груди и радостно показал "V":

— Йее-е-е...!5

Примечание 5: «ㄩ» (yē) — это междометие радости ("Йее!"/"Ура!«), но оно звучит идентично слову «ㄩ» (yē) — «подавиться». Цзян Чжиюй не кричит «Ура», он подавился (ㄩㄩㄩㄩ). Лу Синъюань мгновенно понимает каламбур по звуку и ситуации.

Лу Синъюань тут же зачерпнул ложкой бульон от пельменей, подул на него и поднёс к губам Цзян Чжиюя.

Пока папа и большой пап, нежно прильнув друг к другу, завтракали, Лу Ао... в одиночестве лежал в больничной палате и спал.

Возможно, сработала родственная связь отцов и сына. Лу Ао что-то почувствовал — даже во сне его лоб слегка наморщился.

Нельзя! Цзян Чжияю и Лу Синъюаню нельзя есть пельмени! Нельзя... нельзя есть его!

Лу Ао резко распахнул глаза, уставившись в белоснежный потолок. Взгляд его был ясным. Он стремительно сел с кровати и машинально поднёс руку ко лбу.

Лоб не горел, голова не кружилась.

Но почему-то он чувствовал себя неважно: руки и ноги ныли, а попа болела.

Словно он всю ночь бежал марафон.

На этот раз Лу Ао не раздумывал. Он тут же нажал кнопку вызова на стене.

«Дзинь-дон!» — звук оповестил о вызове. Врачи и медсестры ещё не подоспели, зато Цзян Чжияю с кухни напротив уже явился.

Лу Синъюань остался на кухне, уничтожая «пельменные улики», чтобы Лу Ао ничего не заметил.

— Аоао, проснулся? — обрадованно воскликнул Цзян Чжияю, появившись в дверях палаты. — Ничего не болит?

— Ещё как болит, — сухо кивнул Лу Ао, сидя на кровати. — Не будь мне плохо — я бы не звонил.

Услышав это, Цзян Чжияю встревожился. Он поспешно подошёл и приложил руку ко лбу сына:

— Температуры нет, обострения тоже. Что же у тебя болит?

— Руки устали, — пожаловался Лу Ао.

«Ах, у него руки болят».

Цзян Чжияю молча смотрел на него.

После вчерашних диких прыжков и беготни боли в руках были совершенно естественны.

Лу Ао продолжил:

— И ноги у меня болят, и... и попа...

Боссу всегда было неловко произносить слово «попа»

Цзян Чжияю удивлённо моргнул:

— Попка тоже болит?

— Угу, — Лу Ао кивнул с полной серьёзностью. — Поэтому я думаю, мне нужно снова показаться доктору.

— Не нужно, — Цзян Чжияю криво усмехнулся. — Папа знает, почему.

— Знаешь?

— Да.

— Руки прочь! Что ты собираешься делать?!

Под возглас Лу Ао Цзян Чжуй просунул руки ему подмышки и запросто поднял малыша в воздух.

— Отпусти! Не держи меня!

Но Цзян Чжуй лишь опустил взгляд, давая ему понять: посмотри вниз. Лу Ао увидел, как его собственные руки инстинктивно и яростно замахали, ножки отчаянно задержались — будто он бежал по воздуху, пытаясь сбежать.

— Вот почему у тебя болят ручки и ножки.

Лу Ао, кажется, что-то вспомнил, и в палате вновь воцарилась тишина.

Затем Цзян Чжуй, продолжая держать его одной рукой, другой ласково похлопал его по попке, а потом сделал вид, что делает укол:

— Пффф — чмок! А вот почему у тебя болит попка. Вспомнил?

Лу Ао молчал. Медленно поднял голову и встретился взглядом с Цзян Чжуйем.

— Ау!6 — Лу Ао громко вскрикнул, вырвался из объятий Цзян Чжуйя и, словно маленькое пушечное ядро, шлёпнулся обратно на кровать. Он широко раскрыл глаза и увидел, что из-за того, что он только что нажал кнопку вызова, за дверью палаты уже стояли врач и медсестра.

Примечание 6: Как вы понимаете, возглас Аоао звучит как Ао!, потому что Цзян Чжуй, очевидно, дал своему ребёнку самое лучшее на свете имя.

Он ухватился за одеяло и мгновенно нырнул под него. Если бы он мог, то прямо сейчас бы вырыл в полу яму и закопал себя в ней.

Вспомнил! Он всё вспомнил!

Вчерашний кошмар, книжка с картинками, фломастеры.

Как он перед Цзян Чжуйем разглагольствовал и вещал о своих грандиозных планах.

Как Цзян Чжуй прижал его и отшлёпал по попе, как Лу Синьюань прижал его и отшлёпал по попе.

Они вдвоём прижимали его и шлёпали по очереди!

Достоинство Босса в тот миг, когда он это вспомнил, испарилось без следа!

Лу Ао не желал больше показываться на люди! Он хотел переродиться заново!

В следующий раз он обязательно справится лучше!

Но Цзян Чжуй не собирался идти у него на поводу. Он наклонился, ухватился за край одеяла

и попытался его стянуть.

— Аоао, не стесняйся. Папа уже попросил врача и медсестру уйти, вылезай.

— Не-е-ет! — Лу Ао отчаянно сопротивлялся, но где уж трёхлетке тягаться силами со взрослым? Он мог лишь беспомощно наблюдать, как его единственное убежище медленно отдаляется от него.

Одеяло слетело, и Лу Ао встретился с весёлым взглядом Цзян Чжиюя.

Он мельком взглянул и тут же зажмурился, притворяясь спящим.

Он спит. Он ничего не помнит. Он ничего не знает.

Лежащий здесь человек — лунатик. И вчера он тоже был лунатиком!

Это был не он! Тот, кто совершал все эти поступки — не он!

Цзян Чжиюй рассмеялся и щипнул его за щёчку:

— Раз проснулся, вставай. Большой папа сварил лапшу, разве не хочешь?

Не хочет! Настоящий Босс не принимает подачек!⁷

Примечание 7: 道道道道道道(Вà zǒng bú shòu jiē lái zhī shí!) очередная отсылка к очередной конфуцианской фразе (о неприятии пищи, поданной с пренебрежением), которые так любит использовать Лу Ао.

Лу Ао решил стоять на своём — притвориться спящим, и никто не сможет его заставить.

Цзян Чжиюй подумал и сказал:

— А ну-ка, какой малыш тут спит? Подними ручку, покажи папе.

Лу Ао сжал кулачки, крепко зажмурился и не шелохнулся. Он ведь не трёхлетний дурачок! Такие детские уловки на него не действуют.

Но в следующее мгновение Цзян Чжиюй произнёс:

— Малыш Лу Аоао ручку не поднял. Значит, он не спит.

Поражённый Лу Ао распахнул глаза:

— Спящие не поднимают руки!

Цзян Чжиюй склонил голову набок:

— А ещё спящие не разговаривают.

Попался.

Лу Ао всё-таки попался на удочку.

Цзян Чжиюй поднял его с кровати:

— Пойдём, папа отведёт тебя чистить зубки и умываться.

Лу Ао с каменным лицом приказал:

— Забудь! Забудь всё, что было вчера вечером!

— Не забуду, — так же уверенно парировал Цзян Чжуйюй. — Напакостил — и думаешь, папа так легко забудет? Ни за что.

Мысль о том, что он, Лу Ао, некогда властвовавший безраздельно, повелевавший ветрами и дождями, мог совершить такое!..

Цзян Чжуйюй, Лу Синъюань, старый дворецкий Чжан, да ещё врачи с медсёстрами — больше десятка человек! И у всех теперь на него компромат!

Путь перерождёнца полон препон, тернист и опасен! Куда же ему теперь податься?!

Лу Ао бессильно откинул голову на грудь Цзян Чжуйюя, будто лишился последних сил.

<http://bllate.org/book/13911/1225874>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 12. Приговор

Yánchéng Tàishòushēng

Супруги разделились.

Лу Синъюань остался на кухне убирать посуду и варить для Лу Ао миску лапши на завтрак.

Цзян Чжуйюй же, взяв Лу Ао на руки, отнес его в ванную умываться.

Подойдя к умывальнику, Цзян Чжуйюй уже собирался поставить малыша на пол, но, опустив взгляд, обнаружил, что Лу Ао лежит у него на руках с выражением полного, абсолютного отчаяния на личике.

Босс в беде. Босс в отчаянии.

Босс, похоже, утратил всякую волю к сопротивлению.

Цзян Чжуйюй, увидев его обречённую мордашку, не сдержал смеха:

— Что такое? Опять засыпаешь?

Лу Ао покачал головой, затем отвернулся и не проронил ни слова.

Он не хотел спать. Ему просто было невыносимо стыдно смотреть людям в глаза.

Одна лишь мысль о том, что теперь ему предстоит прожить ближайшие несколько десятков лет в образе «того самого ребенка, что носился как угорелый по больнице», под насмешки Цзян Чжуйюя и перешептывания врачей и медсестёр за спиной, лишала его всякого энтузиазма.

Вполне возможно, что врачи и медсёстры будут рассказывать другим детям: «Жил да был один малыш, среди ночи у него поднялась температура, а он вместо того, чтобы нажать кнопку вызова, носился один по палате туда-сюда, натываясь на всё подряд. Вы уж смотрите, не берите с него пример, если плохо себя чувствуете — обязательно нажимайте на кнопку!»

Его безупречная перезагрузка жизни теперь была запятнана несмываемым позором!

— НЕЕЕТ!!!

Цзян Чжуйюй, держа его на руках, слегка покачал малыша и спросил:

— Всё ещё злишься из-за вчерашнего?

Лу Ао закрыл личико ладошками и отвернулся в другую сторону.

Ему было так плохо, так мучительно плохо, что казалось — он вот-вот умрёт.

— Ты вчера так поступил с папой, а папа даже не разозлился. Ты-то чего злишься?

— Конечно, я должен злиться! — Лу Ао резко взвился, сел прямо и уставился на Цзян Чжуйюя жалобным, обиженным взглядом. — Мой высокий, величественный образ разрушен! Врачи и медсёстры наверняка будут смеяться за моей спиной... Они вчера вечером уж точно посмеялись!

Услышав это, Цзян Чжуйюй снова рассмеялся.

— Опять ты смеёшься! — Лу Ао стало ещё хуже. Он безвольно повалился обратно.

Цзян Чжуйюй с трудом сдержал смех, закашлялся и, покачивая малыша на руках, успокаивающе проговорил:

— Ничего страшного. Врачи и медсёстры так заняты каждый день, они очень скоро забудут про этот случай. К тому же, ты тогда болел. А больные дети иногда не могут контролировать своё поведение — это доказано научными исследованиями. Врачи и медсёстры — люди науки, они всё понимают и не станут над тобой смеяться.

— Правда? — Лу Ао с недоверием посмотрел на Цзян Чжуйюя. — Но ты будешь смеяться! Ты... ты ещё будешь использовать это против меня, шантажировать...

— Шантажировать? Зачем мне тебя шантажировать? Чем ты вообще можешь быть мне полезен? — Цзян Чжуйюй искренне не понимал.

— Потому что...

«Потому что ты тщеславный папа».

— Не волнуйся, папа не станет тебя шантажировать, — успокоил его Цзян Чжуйюй. — И к тому же, ты разве не заметил? Это происшествие — не самое важное. Самое важное — это...

Что же?

Цзян Чжуйюй взглядом показал ему смотреть вперёд.

Лу Ао машинально последовал за его взглядом.

Над умывальником висело зеркало. Лу Ао увидел в нём своё отражение.

Из-за вчерашней лихорадки его волосы торчали во все стороны, личико было сухим, а в уголках глаз засохли корочки.

Весь малыш выглядел крайне неопрятно, словно маленький дикий львёнок.

Цзян Чжюй нарочно сказал:

— Ай-яй, наш Аоао же такой аккуратный малыш, так заботится о своём виде. А теперь вот такой, да ещё и из-за злости не хочет чистить зубки и умываться. Что же делать?

Лу Ао тут же заявил:

— Я не злюсь! Я буду чистить зубы!

— Хорошо.

Цзян Чжюй воспользовался моментом и поставил Лу Ао перед детским умывальником.

Лу Ао проворно и со всей серьёзностью почистил зубы, а затем тщательно умылся. Наконец он прильнул к зеркалу и принялся расчёской прижимать каждый непослушный волосок, торчавший вверх.

Контроль над образом Босса нельзя упускать ни на мгновение! С сегодняшнего дня он будет неустанно поддерживать свой серьёзный и респектабельный вид, дабы восстановить репутацию и смыть позор!

Через десять минут Лу Синъюань принёс миску лапши, а Лу Ао всё ещё наводил лоск.

Цзян Чжюй, скрестив руки, прислонился к дверному косяку:

— Красавчик, хватит. Ты и так уже великолепен.

Лу Ао не поддался на уговоры, продолжая бороться с непослушным вихром.

— Чуть погодя он сам ляжет.

— Не-а!

Цзян Чжюй пустил в ход последний аргумент:

— Если ты сейчас не поешь и исхудаеть, то превратишь в худющего малыша, а потом и вырастешь низеньким да тощим. И тогда твой безупречный образ уплывёт! Уплывёт-уплывёт!

Лу Ао мгновенно обернулся:

— Поедим, я как раз проголодался.

Он отложил расчёску, в последний раз поправил воротничок и бодро, с высоко поднятой головой, вышел из ванной.

В следующее мгновение Лу Ао заметил, что в комнате внезапно появился ещё один человек, и инстинктивно замер. Лу Синъюань поставил приготовленную лапшу на журнальный столик и теперь стоял рядом, ожидая. Услышав, что они выходят, он тоже поднял взгляд.

Отец и сын замерли на месте, словно в противостоянии.

Вчера ночью у Лу Ао был сильный жар, и он смутно помнил, что Лу Синъюань приходил и даже

отшлёпал его.

И вот теперь Лу Ао наконец разглядел его как следует.

Мужчина действительно был очень высоким, наверное, под сто девяносто сантиметров.

«Ничего особенного! В прошлой жизни во мне тоже было сто восемьдесят восемь!»

«Всего два сантиметра разницы! В этой жизни я точно его перерасту!»

Его фигура была крупной, телосложение мощным, черты лица — строгими, а взгляд, устремлённый на Лу Ао, — холодным. Вчера, когда он шлёпал Лу Ао, он явно сдерживал силу. Потому что со стороны казалось, будто он одним ударом может разом уложить троих трёхлеток.

«И это ничего особенного! В прошлой жизни я тоже отлично владел боевыми искусствами!»

Но... но...

Лу Ао стоял на полу, сжав кулачки, и вынужден был изо всех сил запрокидывать голову, чтобы разглядеть лицо мужчины.

Отцовская любовь — гора нерушимая.

И высокий и статный большой папа для трёхлетнего малыша был словно целая неприступная гора.

Рядом с Цзян Чжиюем Лу Ао ощущал естественную близость и родственную теплоту. Лишь когда Цзян Чжиюй сердился, он чувствовал ту самую подавляющую силу, исходящую из глубин их кровных уз.

А вот Лу Синьюань...

Возможно, потому что они были слишком похожи — оба Боссы, один Большой Босс, другой Маленький Босс.

Он просто стоял там, и Лу Ао уже почему-то начинал нервничать.

У него было предчувствие, что Цзян Чжиюй не устроит ему взбучку за вчерашний случай... а вот Лу Синьюань — обязательно устроит!

Однако...

Он, Лу Ао, не из тех, кого легко запугать! Он даже смерти не боялся, чего уж тут бояться?

Сжав кулачки, Лу Ао вновь собрался с духом, широко шагнул вперёд и протянул руку Лу Синьюаню:

— Здравствуйте!

Лу Синьюань нахмурился, словно не мог понять, что творится в голове у этого малыша: то он хмурый и несчастный, то вдруг полон решимости и боевого задора?

Мысли ребёнка — тёмный лес. Куда проще угадывать мысли супруга.

Лу Синъюань опустился на одно колено перед ним и с каменным лицом протянул руку в ответ:

— Здравствуй.

Отец и сын пожали друг другу руки, словно главы государств на первой официальной встрече.

Зрелище выходило более чем странное.

Цзян Чжюй подошёл:

— Аоао, большой папа сварил тебе лапшу. О-о, ещё и яичницу поджарил! Давай скорее кушать.

— Хорошо, — ответил Лу Ао, но продолжал держать руку Лу Синъюаня, не отпуская. Он встретился с ним взглядом: — Спасибо.

— Не за что.

Отец и сын замерли в немой схватке.

Наконец Лу Синъюань молча поднял их сцепленные руки и произнёс ледяным тоном:

— Можешь не впиваться ногтями мне в ладонь?

Лу Ао тоже поднял их руки и громко заявил в ответ:

— А ты мне сжимаешь пальцы! Ты меня ещё вчера отшлёпал!

И оба одновременно повернули головы в сторону Цзян Чжюя:

— Жена, как больно!

— Цзян Чжюй... Папочка, он меня сжимает!

Ого, редкость — Лу Ао наконец назвал его папой.

Цзян Чжюй протянул руки и шлёпнул каждого по ладошке:

— Детский сад! Лу Аоао, давай быстрее завтракать, а то лапша слипнется. Лу Синъюань, поджарь ещё одну яичницу, я тоже хочу.

Цзян Чжюй, подперев лицо руками, лукаво подмигнул Лу Синъюаню, бросив в его сторону пару игривых взглядов.

Лу Синъюань тут же зашевелился:

— Предугадал. Уже пожарил. Сейчас принесу.

— Вуху! — обрадовался Цзян Чжюй.

Лу Ао надул щёки и обиженно плюхнулся перед журнальным столиком. Противный Цзян Чжюй! Взял и встал на сторону Лу Синъюаня.

А я-то собирался спасти его от папиной тирании!

Хмф! Не буду больше спасать!

Цзян Чжюй схватил слюнявчик Лу Ао, повязал ему и сунул в ручку детские палочки:

— Ну ешь же! Разве не голоден?

Лу Ао опустил взгляд, подцепил палочками прядь лапши и отправил в рот.

Хм... Всё же, пожалуй, спасу.

Трое членов семьи устроились в ряд перед журнальным столиком.

Лу Ао уплетал лапшу, Цзян Чжюй наслаждался яичницей, а Лу Синъюань просто сидел и смотрел на них.

Двадцать минут спустя Лу Ао отложил палочки и принялся черпать ложкой бульон глоток за глотком. Бульон, впитавший аромат ароматного масла, сушёных креветок и яичницы, переливался золотистыми оттенками – это была самая душистая часть лапши. Лишь осушив миску до дна, Лу Ао отложил ложку.

Цзян Чжюй потрогал его пухлый животик:

— Вкусно было?

— Вкусно.

— А что нужно сказать большому папе?

— Эм... — Лу Ао посмотрел на Лу Синъюаня: — Благодарю. Мастерство у тебя неплохое.

Лу Синъюань сохранял каменное лицо:

— Не за что. И ротик у тебя тоже неплохой.

Неплохой во всех смыслах этого слова.

Позавтракав, пока взрослые убрали посуду, Лу Ао решил обдумать своё нынешнее положение.

Вчерашняя лихорадка едва не выжгла дотла все его воспоминания. К счастью, благодаря негибавшей воле и непоколебимой стойкости он боролся с жаром, и перед самым отключением постоянно твердил себе в мыслях:

«Я Лу Ао. Я переродившийся генеральный директор!»

Лишь так ему удалось сохранить большую часть памяти!

Это был великий подвиг на его пути перерождения!

И вот недуг отступил, и он вновь готов приступить к исполнению своего плана!

Как раз когда Лу Ао сжал кулачки, преисполненный решимости, над его головой раздался нежный голос Цзян Чжюйя:

— Аоао, наелся? Тебе ещё нехорошо? — спросил Цзян Чжюй.

Лу Ао кивнул, затем покачал головой:

— Наелся. Всё хорошо.

— Ну раз так... — вдруг сменил тон Цзян Чжюй и громко скомандовал: — Эй, слуги! Схватить преступника Лентяй-Лу Аоао и доставить в зал суда!

Большая рука Лу Синъюаня опустилась с неба и подхватила его.

Лу Ао остолбенел от изумления.

— Лу Аоао! Ты осмелился дерзить папе, изрыгать на папу оскорбления, а затем и вовсе сбил папу с ног, нанеся ему как физические, так и душевные травмы! Признаёшь ли ты свою вину?! Не признаёшь? Не беда! Сейчас я, судья, вынесу приговор на месте! Приговариваю тебя к...

...Сцена сменилась.

Лу Ао, зафиксированный Лу Синъюанем на диване, смотрел в пространство с каменным лицом.

Цзян Чжюй сидел перед ним, нацелив маленькую игрушечную фигурку единорога прямо в его сердечко:

— Бах! Тра-та-та-та! Бью! Вот тебе, негодник! Сбиваю с ног!

<http://bllate.org/book/13911/1225875>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 13. Главному герою тоже три с половиной года

Yánchéng Tàishòushēng

— Преступник Лентяй-Лу Аоао не только нагрубил Папе, но и сбил его своим железным лбом! По приговору судьи-Папы приговаривается к наказанию «мера за меру»¹ с немедленным исполнением в зале суда!

Примечание 1: 牙还牙 (yǎ huán yá): Идиома «око за око, зуб за зуб».

Лу Ао молча наблюдал за происходящим с безжизненным взглядом.

Сзади Лу Синъюань, держащий его в руках, приподнял его. Прямо перед ним Цзян Чжюй методично тыкал игрушечным единорогом ему в грудь:

— Бах! Вот тебе, негодник! Сбиваю с ног!

«Цзян Чжюй, ты и вправду невыносимо инфантилен. Даже трёхлетка взрослее тебя».

Лу Ао покорно вздохнул и огляделся. Тут Лу Синъюань слегка потряс его и тихо напомнил:

— Лу Ао, поддержи папу.

Поддержать? Как? Лу Ао не понимал.

Лу Синъюань добавил:

— Покажи, будто тебе так же больно, как было папе.

Но от тычков игрушкой совсем не больно — только щекотно!

Лу Ао долго копил силы и наконец выдавил:

— А-а-а... бо-о-льно...

Тон был абсолютно ровным, без намёка на страдание.

Лу Синъюань с непроницаемым видом отрапортовал:

— Осмелюсь доложить господину сяо Юю: Лу Ао уже раскаялся.

Лу Ао посмотрел на него с ещё более сокрушённым видом: «Лу Синъюань, ты тоже инфантилен. Даже больше, чем Цзян Чжияюй».

Цзян Чжияюй прокашлялся и прекратил «атаку»:

— Ну что? Правда? Лу Аоао, ты понял свою вину?

Лицо Лу Ао выражало полную покорность судьбе:

— Понял.

Поскорее бы закончился этот дурацкий спектакль!

— Ну так расскажи, в чём именно ты провинился?

— Я не должен был бодаться с папой лбом.

— И что ещё?

— И не должен был перечить папе.

— Продолжай.

— И уж тем более не должен был говорить папе... — Лу Ао запнулся, опустив глаза, — ...не должен был говорить папе, что разрываю с ним отношения.

— Хм, похоже, ты и вправду осознал свою ошибку. И как же ты собираешься её исправлять?

— Ещё и исправлять?!

— А как же, за проступками должно следовать исправление, — Цзян Чжияюй снова занёс единорога. — У тебя есть три секунды на раздумье. Иначе папа возобновляет «расстрел»!

— Я буду... — Лу Ао потупился, его щёчки залились румянцем, голос стал тихим-тихим, — ...я буду говорить с папой мягче.

— Хм, и что ещё?

— И больше никогда не буду бодаться с папой.

— А теперь скажи, что ты больше всех на свете любишь папу.

— Я... — Лу Ао резко поднял голову, раздувшись, как шар-рыба фугу — казалось, стоит тронуть невидимую точку, и иголки торчат по всему тельцу. — Цзян Чжияюй, не смей требовать большего!2 — выпалил он.

Примечание 2: 得寸进尺 (dé cùn jìn chǐ): Идиома «получив вершок, требовать пядь».

— Ого, Аоао, как ты идиомами сыплешь! — восхитился Цзян Чжияю.

— Не уводи разговор!

Он... он вовсе не любит Цзян Чжияю! Он его терпеть не может!

Он ему не нравится, вот именно, совсем не нравится!

Во всём мире Цзян Чжияю — второй по ненавистности для него человек! А первый — Лу Синъюань! Лу Ао закрыл глаза, приняв твёрдое решение, и решительно отвернулся:

— Учёного мужа можно убить, но нельзя унижить! Так что давай уже, прикончи меня своим единорогом!

Но его щёчки, да и ушные раковины в придачу, пламенели так, будто вот-вот лопнут от налитой крови.

Цзян Чжияю не ожидал такой бурной реакции от Лу Ао. Пришлось дать знак Лу Синъюаню опустить малыша. Затем он осторожно ткнул пальцем в его пылающую щёку и мгновенно отдернул руку.

Лу Ао недоумённо нахмурился:

— Чего тебе?

Цзян Чжияю с деланной серьёзностью пояснил:

— Щёчки-то у тебя как раскалённые угли. Папа испугался обжечься, вот и проверил температуру.

«.....»

Цзян Чжияю, ты и вправду виртуоз по части доведения детей.

Лу Ао сдался.

— Я вовсе не краснел! — выдавил он, в то время как его лицо заливалось ещё более густым багрянцем.

Это он от стыда и неловкости покраснел! И вообще, ему плохо, у него жар, и к Цзян Чжияю это не имеет никакого отношения!

Лу Ао развернулся и со всего размаху ткнулся лбом в ногу Лу Синъюаня.

Лу Синъюань не ожидал такого, нахмурившись в недоумении. Цзян Чжияю тоже растерялся:

— Аоао, чего это ты в большого папу врезался? Он же молчал.

Лу Ао оправдался с видом абсолютной правоты:

— Я же пообещал, что больше не буду тебя бодать. Слово своё я держу. Раз и навсегда.

Вот оно что.

Когда Лу Ао злится, ему непременно нужно во что-то «боднуться», чтобы выпустить пар.

Бодать Цзян Чжиюя нельзя — вот и достаётся Лу Синъюаню. А кого ещё бодать, если кругом только они двое? А кто виноват, что Лу Синъюань — муж Цзян Чжиюя?

Лу Ао скрестил ручки на груди, задрал подбородок, и строго уставился на двух взрослых:

— Эта игра окончена. Я в ней больше не участвую.

С этими словами он величественно развернулся и удалился. Подобрал штанишки пижамы, он ухватился за перекладину больничной койки, с трудом, но ловко взгромоздился на неё и уселся с видом предельной важности.

Цзян Чжиюй перевёл взгляд на Лу Синъюаня и сказал:

— Ну вот, видишь? Говорил же, он стал невыносимо задаваться.

Лу Синъюань кивнул в знак согласия.

— Прямо как ты. Вылитая копия.

Лу Синъюань промолчал. Лу Ао сжал кулачки, стиснув молочные зубки и изо всех сил сдерживаясь. Цзян Чжиюй думает, он говорит тихо? Он всё слышит!

И всё же в конце концов он не выдержал и строго парировал:

— Совсем не похож.

Он не похож на этого бесчувственного человека! Он никогда не вступит в брак с кем-то, кого не любит, ради выгоды. Он не хочет быть похожим на Лу Синъюаня.

Лу Ао позавтракал, принял лекарство и выглядел уже гораздо лучше. Жара не было, головокружение прошло, и он даже смог посидеть и посмотреть новости.

— Президент Банана вернулся сегодня на родину... — вещал телевизор.

Лу Ао сидел, скрестив ручки на груди, поглядывая на экран и размышляя о жизни. Он вспомнил три великие цели, поставленные им на это перерождение:

Первая — укрепить тело и дух;

Вторая — накопить капитал;

Третья же... добиться развода Цзян Чжиюя и Лу Синъюаня.

Изначально Лу Ао считал: раз они не любят друг друга и не любят его, то зачем цепляться за эту бездушную семью? Только глубже увязнут в трясине. Лучше уж развестись.

Однако сейчас...

Лу Ао повернул голову, глядя на двоих у своей койки.

Цзян Чжиюй и Лу Синъюань сидели рядышком на диване и тоже смотрели телевизор. Цзян Чжиюй нарочно копировал позу Лу Ао — скрестил руки, слегка задрал подбородок, с

самодовольной улыбкой. Мало того, он ещё и Лу Синъюаня заставил принять ту же позу. И тот, на удивление, подыграл.

В итоге все трое сидели, как под копирку.

Одного взгляда на эту картину Лу Ао хватило, чтобы голова заняла. Он схватился за лоб и отвернулся.

Лу Ао не мог понять.

Разве Цзян Чжюй не обожал кутить напропалую? Почему он ещё здесь?

Разве Лу Синъюань не боготворил свою карьеру? Почему и он не ушёл?

Неужели им обоим не жаль тратить время в больнице? Неужели они собираются дожидаться, пока он поправится?

Ответов у Лу Ао не было.

Раз не мог понять — и не надо. Лу Ао резко оборвал в голове все эти несбыточные фантазии.

Не давай себе пустых надежд. Это был жизненный урок, усвоенный Лу Ао за долгие годы одиночества в прошлой жизни.

Он заставил себя сосредоточиться исключительно на новостях.

Так или иначе, он — осторожный босс. Решение об их разводе стоит отложить. Понаблюдать несколько дней, а там уже решать.

Последующий день Лу Ао чувствовал себя прекрасно. Аппетит и сон в норме, болезнь не возвращалась.

К его удивлению, Цзян Чжюй и Лу Синъюань... и вправду провели с ним в больнице весь день. Весь день.

Правда, когда он проснулся после дневного сна, их не было около получаса.

Дедущка Чжан, сидевший у его кровати, сказал, что они вышли купить еды. Но когда Цзян Чжюй взял его на руки, Лу Ао уловил лёгкий солоновато-острый запах пшеничных полосок и разглядел маленькое жирное пятнышко на его белой футболке.

Желая подловить его, Лу Ао нарочно спросил:

— Цзян Чжюй, от тебя пахнет чем-то острым.

Цзян Чжюй, не моргнув глазом, невозмутимо ответил:

— Спасибо за комплимент! Это потому что я — крутой папа!З

Примечание 3: 辣 (lā là): «Папа-перчик». Игра слов Цзян Чжюя: 辣 (lā) = острый, перчёный (отсылка к запаху пшеничных полосок латяо); 爸 (bà) = папа. Созвучно с «辣爸?» (lā ba?) = «Правда же остро/круто?».

Лу Ао поперхнулся от такого ответа. Вот это и есть непреодолимая пропасть между отцом и сыном. Цзян Чжиюя ему никогда не догнать.

Цзян Чжиюй, держа его на руках, взглянул в окно:

— Солнышко садится. Папа и большой папа сводят тебя прогуляться в садик внизу, хорошо?

— Ладно, — не стал возражать Лу Ао. Всё же для здоровья полезно, да и доктор говорил, что можно гулять при возможности.

— Тогда давайте, собираемся.

Лу Ао всё время был в больничной пижаме, но Цзян Чжиюй, опасаясь, что ему холодно, достал из чемодана толстовку-комбинезон с капюшоном в виде тёмно-зелёного динозаврика и натянул её на малыша. Верх комбинезона был плотным и просторным, и, когда он был надет поверх больничной пижамы, то доставал Лу Ао до колен.

Цзян Чжиюй присел перед малышом на корточки, поправил одежду и застегнул молнию до конца.

— Всё готово, — улыбнулся он, демонстрируя: — Смотри, Аоао, молния застёгивается до самого капюшона! Если натянуть его на лицо — ты станешь настоящим динозавриком! Р-р-р-р!

— Какая детсадовщина... Ай!

Внезапно всё погрузилось во тьму. Лу Ао инстинктивно вцепился в одежду Цзян Чжиюя:

— Цзян Чжиюй, быстро выпусти меня! Здесь слишком темно! — закричал он.

— Ладно, ладно, — Цзян Чжиюй расстегнул молнию до уровня шеи. — Так лучше?

— Да, — кивнул Лу Ао, мгновенно возвращаясь к своей серьёзной манере, словно тем испуганным темнотой малышом был вовсе не он.

Как раз в этот момент Лу Синьюань вернулся, вымыв и наполнив термос-поильник сына. Цзян Чжиюй взял термос и повесил его через плечо Лу Ао:

— Гуляем полчаса. Не забывай пить водичку. Возвращаемся — термос должен быть пустым.

— Будет сделано.

— Тогда в путь! — Цзян Чжиюй взял Лу Ао за руку, и они вышли из палаты.

Малыш лишь на секунду поколебался, но тут же смирился. Что поделать — в этом теле ему всего три года. Силы у него было слишком мало, чтобы вырвать руку из отцовской ладони, так что пришлось покориться судьбе.

Вовсе не он сам этого хотел.

Лу Синьюань стоял на месте. Цзян Чжиюй обернулся и протянул руку ему. Так Цзян Чжиюй, держа левой рукой Лу Синьюаня, а правой — Лу Ао, повёл семью в лифт и спустился вниз.

Сад был большим: деревья, газоны и извилистая дорожка из гальки, пересекавшая его. Цзян Чжиюй предложил:

— Пойдём по этой тропинке до конца? Посмотрим, что там, на другой стороне сада.

Отец и сын Лу единогласно ответили:

— Хорошо.

И Цзян Чжюй, ведя их за руки, отправился в «путешествие».

Не успели они далеко пройти, как Цзян Чжюй заметил неладное:

— Погодите, построение неправильное! Малыш должен быть в центре, а родители по бокам. Давай, Аоо, иди сюда!

— Не хочу, — упёрся Лу Ао.

Держаться за руку Цзян Чжюя — уже предел его возможностей. С Лу Синъюанем? Ни за что.

Цзян Чжюй взглянул на Лу Синъюаня. Тот тоже выражал отторжение:

— Жена, не надо.

— Ну ладно, — вздохнул Цзян Чжюй. Раз оба «Лу» так брезгают друг другом, центром пришлось стать ему.

Семья двинулась дальше.

Вскоре ладошка Лу Ао вспотела, и он выдернул руку из руки Цзян Чжюя. Теперь малыш в костюме динозавра, с термосом за спиной, уверенно шагал впереди всех.

Лу Синъюань же, стоически терпя дискомфорт, продолжал крепко держать руку Цзян Чжюя — они шли следом.

Глубже в саду, под сенью зелёных крон, царили тишина и покой.

Но вдруг впереди раздался эмоциональный крик:

— Гу Бай! Стой!

Не успели слова отзвучать, как белёсый, словно мышонок, силуэт вылетел из-за поворота и врезался в Лу Ао. В следующее мгновение зелёный динозаврик и белый мышонок вместе полетели на землю.

— Ай!

— Проклятье! — крикнул Лу Ао.

<http://bllate.org/book/13911/1225876>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 14. Гу Бай

Yánchéng Tàishòushēng

— Аооо!

— Сяо Бай!

Под возгласы родителей с обеих сторон раздался глухой звук «бум!», и маленький зелёный динозаврик с белым мышонком вместе рухнули на мягкую траву.

— Ай, как больно.

— Проклятье! Проклятье проклятье проклятье!

Родители с обеих сторон поспешили подойти, чтобы проверить состояние своих малышей.

Цзян Чжюй присел на траву, помог Лу Ао подняться, стряхнул прилипшие к нему травинки и внимательно осмотрел его с ног до головы.

— Аоао, ты в порядке? Где-нибудь болит?

— Всё в порядке, — Лу Ао покачал головой и, увидев обеспокоенное выражение лица Цзян Чжюя, добавил: — Я среагировал очень быстро. Когда он врезался в меня, я уже предсказал траекторию и упал на траву рядом.

— М-м, ну и хорошо, — Цзян Чжюй вздохнул с облегчением. — Но...

— М-м? — Лу Ао уверенно подбоченился.

— Если ты уже предсказал это, почему просто не увернулся?

— Э-это...

Конечно, потому что он не мог увернуться.

Цзян Чжюй знал, как задавать вопросы.

Лу Ао по-взрослому заложил руки за спину, отвел взгляд и отвернулся в сторону.

Прежде чем его сбили с ног, ему почудилось, будто кто-то громко крикнул: «Гу Бай».

Гу Бай.

Это было имя, которое Лу Ао запомнил крепче всего, помимо «Цзян Чжюй» и «Лу Синъюань».

Гу Бай был его заклятым врагом, а также главным героем новеллы «Всеобщий любимец: Малыш трёх с половиной лет».

Он противостоял Гу Баю с самого детства: в садике отбирал у него красные звёздочки за успехи¹, а повзрослев — перехватывал его деловые контракты. Они были изначально персонажами, которых противопоставляли друг другу, непримиримыми врагами, вечными соперниками, готовыми бороться насмерть.

Примечание 1: «小红花» (xiǎo hóng huā) — дословно «маленькие красные цветочки». Это распространённая в Китае система поощрения детей в детских садах и начальных школах. За хорошее поведение, успехи в учёбе и т.д. детям прикрепляют на одежду или в специальную книжку бумажные красные цветочки или звёздочки.

Однако сейчас оба родителя того белого мышонка окружили его, проверяя состояние, и наглухо закрыли собой обзор, так что Лу Ао ничего не видел.

Поэтому он не мог точно определить, тот ли это «Гу Бай».

Цзян Чжуйюй проследил за его взглядом, посмотрел на родителей с той стороны, потом снова на Лу Ао и, кажется, кое-что понял. Он повысил голос и спросил:

— Всё в порядке?

— Всё в порядке, всё в порядке... — отозвались родители напротив, спохватившись и тут же вставая, чтобы извиниться. — Нам так стыдно, это наш недосмотр! Приносим свои глубочайшие извинения!

Цзян Чжуйюй погладил Лу Ао по макушке, словно спрашивая, доволен ли он.

Лу Ао невольно тронул уголки губ вверх. Его папа всё же был полезен кое в чём.

— Как раз здесь рядом больница, ребёнка можно сразу же обследовать. Все расходы мы возьмём на себя. Нам действительно очень жаль! Гу Бай, вылезай и извиняйся!

В этот момент белый мышонок вылез из-за спины родителей:

— Прости, я не специально! Тебе не больно?

Лу Ао уставился на него, невольно сжал кулачки и отступил на полшага назад.

Это был он!

Это был действительно он!

Лу Ао никогда-никогда не забыл бы этих глаз! Будучи главным героем-малышом в новелле о всеобщем любимце, Гу Бай просто обязан был обладать парой наивных и невинных больших глаз.

В прошлой жизни Лу Ао как раз больше всего ненавидел эти его глаза!

На коктейльных вечеринках, на бизнес-ланчах — Гу Бай всегда смотрел на него издали этими самыми глазами. Его взгляд пронзал толпу, полный тоски и ожидания, печали и радости одновременно.

Лу Ао был уверен, что это не что иное, как вызов со стороны Гу Бая! Гу Бай хотел избить его, но не смел, потому что знал, что Лу Ао занимался единоборствами! Хм-хм!

Не думал он, что в этой жизни они встретятся так рано.

Оба — трёхлетние малыши, но Гу Бай явно уступал ему в степенности.

Раз уж это Гу Бай, значит, те двое, что рядом с ним...

Лу Ао поднял взгляд на двух взрослых, сопровождавших Гу Бая. Это же его папа и... большой папа? В оригинальном сюжете — идеальные родители, соединившиеся по любви: один нежный, другой строгий, гармонично дополняющие друг друга.

Эти двое — один повыше, другой пониже, роли «нападающего» и «принимающего» были очевидны.

Но их наряды выглядели несколько... странно.

Тот, что пониже, был одет в чёрно-белый с иголки деловой костюм, и волосы уложены идеально.

Тот же, что повыше, носил розово-голубую домашнюю одежду, на голове у него была детская панамка от солнца, на руке — детская бутылочка для воды, а за спиной болтался туго набитый детский рюкзачок.

Было очевидно, что малыш Гу Бай не желал ничего нести, поэтому взвалил всё на своего родителя.

Лу Ао мысленно добавил Гу Баю ещё один минус: тот был менее самостоятельным, чем он сам.

К тому же папа и большой папа Гу Бая выглядели, в общем-то... ну, ничего особенного. Всё же его, Лу Аоао, папа и большой папа были получше.

Хоть на чуточку, но всё же лучше.

Лу Ао скрестил ручки на груди, разглядывая их и мысленно сравнивая свою семью и семью Гу Бая. В конце концов он мысленно вынес вердикт: по итогам всестороннего сравнения по всем пунктам — семья Лу Ао одержала полную победу!

Тем временем Цзян Чжуй, похоже, был с ними знаком и заговорил:

— Папа ся Бая, это же вы?

— Папа Аоао, какая встреча!

— Что привело вас сюда? Ся Бай тоже заболел?

— Именно так, сейчас межсезонье, весна на лето меняется, дети так легко простужаются. Ся Бай вчера вдруг температуру начал, вот срочно привезли его в стационар.

Услышав это, Лу Ао инстинктивно поднял голову.

Гу Бай тоже температурил? Неужели он тоже...

Цзян Чжуй решил, что это просто совпадение, и продолжил:

— Наш Аоао тоже... Вдруг температура подскочила, я чуть не умер от страха. Аоао прошлой ночью ещё...

Лу Ао вздрогнул, тут же бросился вперёд и стукнул Цзян Чжуй по ноге.

Какой же ты беспечный! Сразу мои слабые места посторонним выкладываешь! Простофиля! Не смей говорить!

Цзян Чжуй посмотрел на него сверху вниз, погладил по макушке и не стал продолжать.

Оба родителя Гу Бая наклонились к Лу Ао и улыбнулись:

— Что прошлой ночью? Аоао не даёт папе рассказывать? Ничего страшного, тогда мы и слушать не будем.

Лу Ао надул губки.

Они надо мной смеются, думают, я не понимаю?

В этот же момент Гу Бай бесшумно подобрался к Лу Ао, моргнув своими большими глазами и уставился на его профиль, не отрываясь. Понаблюдав так немного, Гу Бай осторожно протянул ручонку, собираясь дёрнуть за зелёный колпачок костюма динозавра Лу Ао.

Именно в этот момент Лу Синьюань вернулся с врачом и медсёстрами.

— Что случилось? С малышами всё в порядке? — голос врача нарушил тишину сада.

Гу Бай поспешно отдёрнул руку, ухватился за собственный рукавчик и устремил на Лу Ао жалобный, умоляющий взгляд:

— Прости, Аоао, я не специально. Всё из-за меня, я не смотрел, куда шёл. Можешь толкнуть меня в ответ три раза.

Лу Ао только фыркнул: «Хм!» — и отвернулся, демонстративно игнорируя его.

— Тогда... тогда можешь толкнуть тридцать раз! Но я хочу... хочу рассрочку. Ну не игнорируй меня же...

Не-а! И! Не! Подумаю!

Обоих малышей увели, чтобы провести им быстрый осмотр.

К счастью, на обоих были плотные костюмчики-комбинезоны для прогулок, а падение пришлось на мягкую траву, поэтому серьёзных повреждений не было.

Гу Бая родители строго отчитали, заставив пообещать, что впредь он не будет носиться сломя голову и врезаться в людей.

Лу Ао сидел на соседнем стульчике, наблюдая, как Гу Бай получает нагоняй, и весьма невежливо рассмеялся. Он просто обожал видеть Гу Бая в неловком положении.

«Аоао хихикает».

Тут же Цзян Чжиюй шлёпнул его ладонью по макушке, веля не злорадствовать. Лу Ао схватился за голову и надул губки: «Аоао больше не хихикает».

Он убрал улыбку, собрался с мыслями и задумался.

Он не помнил имён отцов Гу Бая.

Помнил лишь, что большой папа Гу Бая — властный и строгий, управляющий транснациональным конгломератом, человек со связями и в законном, и в теневом бизнесе — классический папа-авторитет из новеллы про всеобщего любимца.

А папа Гу Бая — мягкий и душевный, тоже классический нежный родитель.

Властный нападающий и нежный принимающий — тоже классический дуэт для новеллы о

чистой любви.

Можно сказать, что оригинальный сюжет одарил Гу Бая всеми мыслимыми благами.

В этот момент Цзян Чжияй похлопал его по плечу:

— Аоао, нам пора возвращаться.

— Ладно.

Лу Ао спрыгнул со стульчика и пошёл за папой.

Гу Бая же его родители повели в противоположном направлении.

Они отошли уже на приличное расстояние, как вдруг позади Лу Ао раздался топот маленьких ножек — «тук-тук-тук».

Гу Бай подбежал, встал перед Цзян Чжияем и Лу Синьюанем, поднял голову и посмотрел на них с предельной искренностью.

— Дядя Цзян, дядя Лу, меня зовут Гу Бай. Моего папу зовут Гу Юньфань, а большого папу — Чжо Шо. Сейчас я лежу в детском отделении, второй этаж. Мне три с половиной года. Я безупречной внешности, отличник, высокоморальный. Когда у Аоао будет свободное время... я могу прийти к нему поиграть?

У Лу Ао глаза круглые от изумления.

Ты о чём вообще?! Хочешь со мной играть? И во что мы, по-твоему, будем играть?

Ты спятил?!

Нет, это вызов! Это откровенный, наглый вызов!

<http://bllate.org/book/13911/1225877>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 15. Совместный сон

Yánchéng Tàishòushēng

В больничном коридоре.

Гу Бай стоял перед всей семьёй, заложив обе ручки за спину и нервно переплетая пальцы, словно скручивая верёвку, он был весь исполнен предельной серьёзностью.

На его лице было не то мило-обаятельное выражение, которое часто описывается в книгах для «всеобщих любимцев» — то, от которого все готовы выполнить любую их прихоть.

Нет, это было выражение строгое, сосредоточенное, деловое. Словно он только что выдвинул чрезвычайно важное предложение, требующее их одобрения.

Лу Ао оставался непоколебим. Он крепче скрестил ручки на груди и демонстративно отвернулся.

Его Гу Бай так просто не проведёт!

Цзян Чжуйюй и Лу Синъюань... наверное... тоже не поддадутся?

В следующее мгновение он услышал, как Цзян Чжуйюй, смеясь, говорит Гу Баю:

— Если ты хочешь играть с Аоао, а не со мной, то тебе нужно спросить самого Аоао, согласен ли он.

Услышав это, Лу Ао ощутил глубокое удовлетворение, его маленькая спинка выпрямилась ещё горделивее. Вот видишь! Его папа и большой папа видят только его одного и не поддаются на чары какого-то там «всеобщего любимца»!

— Я понимаю, — тихо объяснил Гу Бай. — Я просто боялся, что и вы не разрешите.

Ведь если родители не согласны, он даже до дверей палаты не доберётся.

Гу Бай почесал затылок и снова устремил серьёзный взгляд на Лу Ао:

— Аоао, можно я буду с тобой играть? У меня есть маленький грузовичок, самолёттик, паровозик и экскаватор.

Одни лишь детские игрушечные машинки! Лу Ао и вовсе не любит такие глупо-детские вещи!

Он по-прежнему стоял, скрестив руки, и смотрел в другую сторону.

Вдруг Гу Бай шагнул вперёд и протянул к нему свою руку:

— А ещё у меня есть детские часы!

Лу Ао бросил взгляд на часы и, кажется, заколебался.

Гу Бай тихо сказал ему:

— Они с интернетом, можно найти любую информацию, которая тебе нужна.

Лу Ао повернул голову обратно и пристально посмотрел на него, пытаясь разглядеть в его глазах хоть намёк на что-то иное. Но у Гу Бая оставалось всё то же выражение лица. Он лишь моргнул своими большими глазами и так же серьёзно смотрел в ответ.

Лу Ао поразмыслял мгновение и наконец кивнул:

— Ну... ладно.

— Ура-а-а! — Гу Бай обрадовался до небес, взметнул ручонки вверх и громко завопил прямо на месте. — Аоао согласился играть со мной! Я могу играть с Аоао!

Лу Ао нахмурился, его маленькое личико выражало полное недоумение. Он всего лишь согласился поиграть, а не продать ему свою компанию. Чему тут радоваться?

В этот момент папа Гу Бая — тот, что пониже, Гу Юньфань — стоял поодаль, потирая лоб с видом человека, испытывающего сильную головную боль. Казалось, он не слишком рад этой сцене и не горит желанием признавать этого мальчишку своим сыном.

Большой папа Гу Бая — тот, что повыше, Чжоу Шо — взяв на себя ответственность и как супруг, и как отец, шагнул вперёд и шлёпнул ладонью по макушке Гу Бая:

— Хватит уже.

Гу Бай закружился на месте от толчка, а потом, пошатываясь, прислонился к ноге большого папы и обхватил её:

— Большой папа, давай вернёмся и испечём маленькие кексики! Завтра угостим Аоао и его пап!

— Будет сделано.

Погодите-ка!

Маленькие кексики?!

Лу Ао поднял голову и уставился на Чжоу Шо с неммым изумлением.

Глава транснационального конгломерата, человек, крутящий дела и в белом, и в чёрном бизнесе... печёт маленькие кексики?!

Не может быть! Они что-то перепутали?

Прежде чем Лу Ао успел хоть что-то понять, Чжоу Шо, придерживая Гу Бая, собрался уходить:

— Тогда мы пойдём, завтра приведём сяо Бая.

— Хорошо, пока-пока.

— Заходите по делам!¹ — добавил Чжоу Шо, прощаясь.

Примечание 1: 招呼 (zhàohū shēngyì) — досл. «позаботиться о бизнесе/торговле». Это вежливая фраза, часто используемая при прощании бизнесменами, означающая «заходите, будем сотрудничать/покупайте у нас».

Цзян Чжуйюй помахал им рукой. Лу Синъюань слегка кивнул.

«Заходите по делам»?!

Лу Ао вздрогнул и тут же встал, заслонив собой папу и большого папу.

Они же конкуренты! О каких «делах» может идти речь?!

К тому же Чжоу Шо замешан в тёмных делах! Каким «делом» он может заниматься?!

Гу Бая, удерживаемого большим папой за руку, едва волокли за собой, но он всё ещё размахивал свободной ручонкой, оглядываясь через каждые два шага:

— Аоао, пока-пока! Я завтра приду к тебе играть!

Чжоу Шо понизил голос, пытаясь усмирить его:

— Хватит уже, Гу Бай. Посмотри на себя, такой несуразный, прилип как банный лист!

Но Гу Бай пропустил слова мимо ушей и продолжал:

— Аоао, пока-пока! Пока-пока!

Лу Ао смирился и глубоко вздохнул. В конце концов он всё же поднял ручку и махнул Гу Баю один единственный раз!

Только один раз! Не больше!

Иначе Гу Бай так и будет орать «Аоао-Аоао!», а в больнице нужно соблюдать тишину.

Но когда Гу Бай увидел, что Лу Ао машет ему в ответ, его восторг только усилился.

В итоге Чжоу Шо и Гу Юньфань, прикрывая лица от стыда, схватили его каждый за руку и буквально потащили прочь.

Цзян Чжиюй погладил Лу Ао по голове:

— Пойдём, нам тоже пора ужинать.

— М-м... — Лу Ао смотрел вслед уходящей «семье главного героя», почёсывая затылок, всё ещё не совсем придя в себя.

Почему ему кажется, что модель взаимоотношений в семье главного героя... какая-то не такая? «Нежный цветочек» Гу Юньфань и «законник вне закона» Чжоу Шо — ну совсем не сходятся.

Странно...

— Дедушка Чжан приготовил ароматные куриные крылышки и ножки, иди скорее есть.

Лу Ао очнулся, рефлекторно сглотнул слюнки и зашагал следом за ними.

Семейная троица шла по коридору.

Цзян Чжиюй спросил:

— Аоао, ты... помнишь сяо Бая?

— Конечно помню.

Заклятый враг... как он мог его не помнить?

Лу Ао сделал паузу и спросил:

— А вы... знаете Гу Юньфаня и Чжоу Шо?

— Надо говорить «дядя Гу» и «дядя Чжоу», не будь невежливым, — поправил Цзян Чжиюй.

Лу Ао изменил формулировку:

— Вы их знаете?

Цзян Чжиюй нарочито повторил его интонацию, растягивая слова:

— Конечно же знаем...

— Вы... — Лу Ао поднял голову, глядя на них с предельной серьёзностью, — не сотрудничайте с ними в бизнесе.

Цзян Чжюй удивился:

— Почему?

Лу Синъюань тоже вопросительно посмотрел на него.

— Просто не надо, — Лу Ао заложил ручки за спину, приняв вид зрелого маленького босса. Всё это слишком сложно, два глупца — папа и большой папа — явно с этим не справятся.

Цзян Чжюй рассмеялся:

— Не волнуйся, наши семьи работают в принципиально разных сферах, пересечений для сотрудничества почти нет.

Лу Ао слегка кивнул:

— Тогда я спокоен, — он задумался и добавил: — Цзян Чжюй, а чей семейный бизнес круче — наш или их?

— М-м... — Цзян Чжюй потёр подбородок. — Папа не очень понимает, как это сравнить. Пусть большой папа ответит.

Лу Синъюань произнёс чётко:

— По масштабам бизнеса — мы незначительно превосходим.

— По численности персонала — мы имеем небольшое преимущество.

— По ассортименту товаров — мы лидируем с огромным отрывом.

Цзян Чжюй рассмеялся, но кивнул в знак согласия:

— Большой папа прав.

— Хорошо! — Лу Ао был удовлетворён. — Отлично!

Семья злодеев против семьи главного героя — семья злодеев одержала сокрушительную победу!

Цзян Чжюй взял Лу Ао за руку:

— Не переживай о семейном бизнесе. У нас кое-какие активы есть, нас точно не обойдут. Доверься папе и большому папе.

Лу Ао слегка приподнял подбородок.

Что ж, можно снизить доверия...

На ужин был рис. Гарниром служила огромная кастрюля ароматной тушёной птицы от дедушки Чжана: куриные ножки, крылышки, яйца — вся куриная семья собралась внутри, а ещё морская капуста, тофу и ломтики лотоса — разные овощи.

Сначала ингредиенты тушились в соевом соусе со специями, потом долго варились, и наконец,

настаивались в ароматном бульоне целый час. Блюдо получилось золотисто-коричневым, невероятно душистым, запах сводил с ума.

Лу Ао полил рис сверху ложкой бульона. Сочная жидкость просочилась вглубь. Затем он размешал всё ложкой, чтобы каждая рисинка пропиталась ароматом.

Первый же кусок — и язык Лу Ао, по словам Цзян Чжиюя, превратился в маленький свиной язычок, тушённый в том же соусе. Когда Лу Ао сжал кулачки и нацелился на него лбом, Цзян Чжиюй прижал руку к груди и взял свои слова обратно.

Ради баланса питательных веществ дедушка Чжан специально пожарил свежую зелень на гарнир для Лу Ао.

После ужина последовал стандартный ритуал: просмотр новостей, осмотр врача, приём лекарств, умывание.

В девять вечера Лу Ао, облачённый в чистую больничную пижаму, вышел из ванной.

Он ловко взобрался на кровать, укрылся одеялом и сказал Лу Синьюаню, стоявшему у кровати:

— Соблаговолите, уходя, погасить свет. Благодарю.

Он всё так же безупречно вежлив.

Но Лу Синьюань хмуро ответил:

— Не спеши. Подожди.

— Чего ждать?

— Подожди меня! — едва прозвучали слова, как Цзян Чжиюй в пижаме со Снупи, накинув на плечи плед, ворвался в палату из соседней комнаты: — Подожди меня, я иду!

Лу Ао вскинулся на кровати. Ты зачем? Этот малыш уже собрался спать!

Цзян Чжиюй, проходя мимо Лу Синьюаня, встал на цыпочки и нежно обнял его:

— Прости, господин Лу, сегодня ночью тебе предстоит коротать время в одиночестве.

Лу Синьюань криво усмехнулся — улыбка явно не шла от души:

— Восполним дома.

— Обязательно восполним.

Цзян Чжиюй обернулся, его глаза радостно прищурились, взгляд упал на Лу Ао. Он был словно охотящаяся летучая мышь, которая «вжжж» — распахивает крылья.

Лу Ао инстинктивно нырнул глубже под одеяло. Что ты задумал? Не подходи!

Цзян Чжиюй улыбался мягко — как ему самому казалось. Но Лу Ао видел лишь зловеще торжествующую ухмылку.

— Аоао, сегодня ночью папа будет спать с тобой!

Лу Ао, не проронив ни слова, развернулся, чтобы сбежать.

Но в следующее мгновение Цзян Чжияй ринулся вперёд и, словно ловя поросёнка, схватил Лу Ао — вместе с одеялом — и притянул к себе.

— Врач велел! Папа будет рядом. Если ты ночью вскочишь, как вчера, я сразу замечу. Большой папа мечтает поспать с папой, да не может! Цени же возможность! Ну-ка иди сюда!

<http://bllate.org/book/13911/1225878>

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17729/1662018>